

Н. Н. СЕМЕНЮК

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ВАРИАНТНОСТИ

При изучении процессов функционирования языков исследователю приходится сталкиваться с различными формами вариантности языковых средств, их своеобразной «избыточностью», порождаемой сложной историей каждой языковой системы и поддерживаемой многообразием стоящих перед языком функциональных задач. Однако, хотя сам факт существования вариантности широко известен, виды и формы вариантности, характеризующие разные стороны языка, различия в типах вариантности в зависимости от структурных особенностей и условий функционирования данной языковой системы, а также пути преобразования вариантов по мере исторического развития языка до сих пор изучались очень мало¹.

Пытаясь привлечь внимание к проблеме вариантности в связи с изучением русского литературного языка и его норм, авторы коллективной статьи «К вопросу о правильности речи», напечатанной в дискуссионном порядке в 1960 г.², предложили создать особую лингвистическую дисциплину — «ортологию», основной категорией которой должна стать именно категория вариантности. Эта статья лишь через год получила известный отклик, подвергнувшись критике в рецензии Ю. М. Скребнева³, который полагает, что в предложенной трактовке ортология, по существу, не имеет своего особого объекта исследования, объединяя материал нормативной грамматики с некоторыми понятиями и функциями стилистики.

Также ставя под сомнение целесообразность выделения ортологии в качестве самостоятельной лингвистической дисциплины, мы, однако — в противоположность Ю. М. Скребневу — не сомневаемся в необходимости изучения нормы и вариантности как определенных частных лингвистических понятий, а указание на взаимосвязь этих понятий в упомянутой выше коллективной статье представляется нам как в теоретическом, так и в практическом плане весьма существенным.

Для каждого современного литературного языка характерны не только определенная степень константности в использовании различных языковых средств, но и некоторый набор вариантов, выявляющийся наиболее полно в процессе функционирования языка. Поэтому норма, опираясь на устойчивые, константные элементы функционирующей языковой системы, не в меньшей степени характеризуется и допустимыми в ее пределах колебаниями и вариантами. Вместе с тем между нормой и вариант-

¹ Ряд вопросов, связанных с изучением вариантности, поднят на материале современного немецкого литературного языка в статье И. Эрбена (см.: J. Erben, Gesetz und Freiheit in der deutschen Hochsprache der Gegenwart, «Der Deutschunterricht», 5. Stuttgart, 1960).

² О. С. А х м а н о в а, Ю. А. Б е л ь ч и к о в, В. В. В е с е л и т с к и й, К вопросу о правильности речи, ВЯ, 1960, 2.

³ Ю. М. С к р е б н е в, К вопросу об «ортологии», ВЯ, 1961, 1.

ностью существует двусторонняя зависимость: если характер вариантности — в сочетании с целым рядом других признаков — определяет специфику норм литературного языка, то, с другой стороны, именно норма устанавливает число и типы допустимых вариантов, а также регулирует их употребление⁴. Таким образом, характеристика вариантности должна, с нашей точки зрения, стать необходимым звеном в системе признаков, из которых складывается еще весьма малоизученное теоретически понятие литературной нормы⁵.

Понятие варианта используется в настоящий момент в лингвистике очень широко. Чаще всего оно служит для характеристики формального или смыслового многообразия элементов определенного языка (варианты лингвистических единиц, варианты моделей, варианты значения слов и т. д.).

В данной статье подлежат рассмотрению некоторые параллельные возможности формального выражения одних и тех же лингвистических значений (значимостей), связанные с одной и той же лексемой, словоформой или одной и той же синтаксической конструкцией. Таковы, например, в немецком литературном языке орфоэпические варианты типа: *tsur/tsu:r* — «к» (предлог), *balkō/balko:n* «балкон», *weni.ç/weni.k* «немного», или орфографические варианты типа: *Kusine/Cousine* «сестра, кузина», *Chauffeur/Schofför* «шофер» и т. д.

К категории вариантов следует отнести и параллелизм в морфологической структуре сложных слов (например, *Abfahrtszeit/Abfahrtzeit* «время отправления поезда», *Werkleitung/Werkleitung* «руководство предприятия, завода»), а также различные варианты словоформы типа *ward/wurde* «становился», *gesalzen/gesalzt* «посоленный», *melkt/milkt* «доит» (морфологические варианты)⁶.

Варьирование может наблюдаться и в составе словосочетаний или целых предложений (синтаксические варианты), ср. *Millionen glücklichel/glücklicher Menschen; Ihr/Ihre Fraülein Tochter; Mich friert/Es friert mich*⁷.

Итак, рассматриваемый тип вариантности предполагает существование в определенном языке одной и той же лексемы, словоформы или одной и той же синтаксической конструкции по крайней мере в двух различных формах модификациях, не связанных с изменением основного лингвистического значения данной конкретной единицы⁸.

⁴ Ср. определение понятия нормы в работе Э. Косериу «О синхронии и диахронии» (сб. «Новое в лингвистике», III, М., 1963, стр. 174), основанное на установлении регулирующей функции нормы по отношению к разным типам вариантности в языке: «... нормой определенного языка является его „внешнее“ (социальное и территориальное) равновесие — между различными реализациями, допускаемыми системой..., и в то же время его „внутреннее“ равновесие — между комбинаторными и дистрибутивными вариантами („нормальные инварианты“) и между различными системными изофункциональными средствами». См. также: Н. Д. А р у т ю н о в а, О понятии системы словообразования, ФН, 1960, 2, стр. 27.

⁵ См. об этом: В. В. В и н о г р а д о в, [реп. на кн.:] А. И. Гвоздев, Очерки по стилистике русского языка, М., 1962, ВЯ, 1952, 6, стр. 136. Ср. также: М. М. Г у х м а н, От языка немецкой народности к немецкому национальному языку, ч. 1, М., 1953, стр. 12 и сл.

⁶ Ср. на материале русского языка: Е. С. И с т р и н а, Нормы русского литературного языка и культура речи, М.—Л., 1948.

⁷ Подробнее см.: Е. И. Ш е н д е л ь с, Синтаксические варианты, ФН, 1962, 1, стр. 9.

⁸ Напомним, что Л. Ельмслев, в соответствии с принятой им терминологией, определяет варианты как «корреляты с взаимной субституцией» (см.: Л. Е л ь м с л е в, Прологомены к теории языка, сб. «Новое в лингвистике», I, М., 1960, стр. 331).

Однако хотя тождественность лингвистического значения (значимости) является весьма очевидным свойством соотнесенных между собой вариантных единиц, форм и конструкций, рассматриваемая здесь группа вариантов в этом отношении не вполне однородна. В ее составе различаются, с одной стороны, *п о л н ы е в а р и а н т ы*, у которых, при известных формальных различиях, и значение и функция совпадают, а с другой — *в а р и а н т ы н е п о л н ы е*, различающиеся не только своей материальной манифестацией, но также вторичными (преимущественно экспрессивно-стилистическими) оттенками значений, или, наконец, функционально, т. е. сферой использования.

К первой из названных выше групп принадлежат в немецком языке такие полностью совпадающие по значению и функции варианты, как: *niemand/niemandem* «никому» (дат. падеж ед. числа); *Bösewichte/Bösewichter* «злодеи» (им. падеж мн. числа); *Man sagte, er ist/(sei/wäre) krank* «говорят, что он болен» (косвенная речь) и т. д. Примерами, когда варианты различаются сферой употребления или экспрессивно-стилистической нагрузкой, могут послужить в немецком языке некоторые параллельные формы мн. числа имен существительных типа: *Reste* «остатки»/*Rester* (торгов.), *Orte* «места»/*Örter* (математ.), *Länder* «страны, земли»/*Lande* (поэт.) и т. д.

Изучая варианты определенного языка, необходимо прежде всего поставить вопрос о том, какие именно средства могут служить для их образования. Рассмотрим в качестве примера возможность варьирования, наблюдающиеся в немецком языке на морфологическом уровне.

Отметим прежде всего, что для образования вариантов могут использоваться некоторые параллельные структурные средства, оформляющие в данном языке одну и ту же лексему или словоформу.

Так, например, для оформления сложных слов в немецком языке служат два параллельных структурных типа, известных под названием «полносложных» и «неполносложных» образований. Как правило, эти типы распределяются между разными словами: *Tischlampe* «настольная лампа», но *Tageszeitung* «ежедневная газета»; наряду с этим возможно, однако, и вариантное употребление обеих структур в одном и том же слове, например: *Gärtner(s)frau* «жена садовника», *Selter(s)wasser* «сельтерская (вода)» и т. д. Таким образом, вариантность моделей образования сложных слов в немецком языке служит предпосылкой для варьирования морфологической структуры одной и той же словарной единицы. Близким к рассмотренному выше случаю является и параллельное использование для образования вариантных словоформ одного и того же слова разных типов флексий, ср. например: *Denkmäler/Denkmale* «памятники» (мн. число); *Worte/Wörter* «слова» (мн. число); *backte/buck* «пёк» (претерит 1—3-го лица ед. числа) и т. д.

Варианты образуются также и с помощью избыточных второстепенных признаков словоформ, не несущих здесь основной функциональной нагрузки, ср. в немецком: *du bringst/bringest* «ты несешь», или: *Kanale/Kanäle* «каналы» и т. д.

Следует, однако, заметить, что число подобных структурно и функционально избыточных и потому относительно свободных средств в каждом языке более или менее ограничено. Поэтому вариантность существенно пополняется и за счет своеобразной «нейтрализации», т. е. снятия в определенных формах или структурах противопоставления двух элементов, которое в других случаях сохраняет в языке свою различительную силу. Так, характерная для немецкого языка оппозиция нулевой флексии и флексии *-(e)t* (типа: *ein: einet*) снимается в дат. падеже таких местоимений, как *jemand/jemandem* «кому-то», *niemand/niemandem* «никому». Та-

кова же природа вариантных форм глагола (*ist/sei/wäre*) в придаточных предложениях, содержащих косвенную речь, или вариантного употребления изофункциональных в данном случае форм дат. и вин. падежей личного местоимения в некоторых безличных конструкциях, например: *Es ekelt mir/mich* «Мне противно» и т. п.

При характеристике вариантности обращают на себя внимание значительные различия, наблюдающиеся в использовании и создающих ее средств. Лишь сравнительно редко варианты образуют в современных языках регулярные ряды, охватывающие значительные лексические группы и целые грамматические разряды. В большинстве же случаев вариантность допускается лишь в строго определенных условиях. Опираясь на эти различные свойства вариантности, следует поставить вопрос о диапазоне варьирования, который устанавливается в зависимости от характера и условий использования варьируемых признаков.

Хотя язык располагает обычно некоторым количеством «свободных» вариантов, употребление определенного варианта чаще всего имеет известные ограничения. Так, например, диапазон использования вариантных графем может быть установлен по отношению к некоторой совокупности слов данного языка; при определении такого «лексемного» диапазона варьирования выделяются два возможных случая.

Во-первых, появление того или иного варианта может быть связано с разными группами лексем, как это, например, наблюдается в немецком языке для вариантных графем *v/f* (*viel, vier, das Vieh, das Veilchen*, но: *Fuß, fallen, fort* и т. д.). В этом и подобных случаях можно говорить о лексемном распределении вариантных графем. Во-вторых, возможен и иной случай: в пределах некоей более или менее ограниченной группы слов наблюдается свободное чередование соотносенных элементов, например: *Symphonie/Sinfonie, Kusine/Cousine* и др.

Та же связь вариантности с некоторым набором лексем может наблюдаться и при варьировании словоформ⁹. Например, двойные формы претерита конъюнктива, использующиеся в современном немецком языке (типа: *hülfe/hälfe, begönne/begänne* и т. д.), возможны лишь для некоторых глагольных лексем в пределах определенных подклассов сильных глаголов. Таким образом, для явлений морфологического уровня лексемное ограничение варьирования комбинируется с известными ограничениями грамматического порядка. Как проявление крайнего случая подобного ограничения вариантности может рассматриваться абсолютная лексемная изоляция одного из вариантов. Таково, например, в современном немецком литературном языке *bestallt* (в значении «gut situiert»), являющееся изолированной формой причастия II с «обратным умлаутом», характеризовавшим когда-то глагол *stellen* «ставить».

Измерение морфологической вариантности может также производиться и по отношению к парадигме определенного слова. При этом варьирование может охватывать все словоформы, входящие в данную парадигму или субпарадигму (например, две вариантных субпарадигмы мн. числа для слова *Ort* «место» при единой субпарадигме ед. числа у того же слова). Аналогичное явление наблюдается и в глагольных парадигмах, например, для *dreschen* «молотить» возможны две вариантные субпарадигмы, включающие все личные формы претерита (*drosch/drasch*) при единых, не варьируемых парадигмах для настоящего времени и причастия II (*gedroschen*). Вместе с тем в составе определенной парадигмы (или субпарадигмы) может варьироваться лишь один ее компонент, при отсутствии вариант-

⁹ Ср. аналогичное замечание Е. И. Шендельс о «лексической связанности» синтаксических вариантов (указ. соч., стр. 9).

ности у остальных входящих в нее форм (например, им. падеж ед. числа *der Friede/der Frieden* «мир»; *der Gedanke/der Gedanken* «мысль»; дат. падеж ед. числа *dem Tisch/dem Tische* «столу» и т. д.). Вариантность падежных форм может, однако, в ряде случаев распространяться и на всю парадигму (или субпарадигму), как это наблюдается для слова *der Bauer* «крестьянин»; род. падеж ед. числа — *des Bauers/des Bauern*; дат. падеж ед. числа — *dem Bauer/dem Bauern*; вин. падеж ед. числа — *den Bauer/den Bauern*.

Вместе с тем варьирование может быть и позиционно (или дистрибутивно) связанным. В немецком письменном языке первой половины XVIII в. такими позиционно связанными вариантами были в графической системе обозначения аффрикаты: *pf/pff*. Первое из них последовательно использовалось в начале слова, тогда как *pff* (чередующься с *pf*) встречалось лишь в середине и конце слова (*Kopff/Kopf*).

Понятие дистрибутивной зависимости при распределении вариантов может использоваться и для синтаксического уровня. В качестве примера можно указать на различное оформление прилагательного в им. и вин. падежах мн. числа после различных слов-сопроводителей: нем. *viele gute Menschen*, но *alle guten Menschen* (распределение вариантов флексии в зависимости от сопровождающего слова) и *manche gute/guten Menschen* (свободное варьирование в определенной позиции).

Итак, в зависимости от характера и диапазона варьирования рассматриваемые варианты можно условно разделить на: 1) свободные или (чаще) ограниченно-свободные варианты (куда относятся случаи свободного варьирования для определенных лексем или определенных позиций); 2) лексемно-связанные варианты; 3) позиционно-связанные варианты (при лексемном или позиционном распределении вариантов)¹⁰.

Анализируя причины, порождающие вариантность, обычно прежде всего отмечают возможность соединения в функционирующей языковой системе разных по времени происхождения элементов, объединение в ней как более старых, так и более новых форм и явлений, образующих соотносительные вариантыные пары или ряды¹¹.

Рассмотрим на примере морфологических явлений некоторые из диахронических процессов, ведущих к возникновению вариантности.

Изменение в способе формального выражения определенного категориального грамматического значения не всегда и во всяком случае далеко не сразу ведет к исчезновению старого способа выражения. Существование старой и новой формы порождает вариантность, в отдельных случаях на длительный срок закрепляемую языковой нормой. Например, в немецком языке вариантное использование нулевой флексии и флексии *-e* в дат. п. ед. ч. муж. и ср. родов: *dem Tage/Tag*.

Причиной сосуществования параллельных грамматических форм может быть и переход определенного слова из одного грамматического подкласса в другой, в результате чего оно может некоторое время иметь грамматические показатели обоих подклассов, например: *hieb/haute* «рубил» (вариантные формы претерита от *hauen* «рубить»), *gespalten/gespaltet* «расколотый» (параллельные формы причастия II от *spalten* «колоть») и т. д.

Вместе с тем снятие в процессе изменения языка определенных грамматических оппозиций не всегда сопровождается полным исчезновением форм, их выражавших. В отдельных случаях эти формы могут сохраняться в языке на правах вариантов, потерявших свои прежние различия. В ка-

¹⁰ Ср. у Л. Ельмслева деление на «вариации» (свободные варианты) и «вариаты» (связанные варианты) (указ. соч., стр. 338).

¹¹ См.: Г. Г л и с о н, Введение в дескриптивную лингвистику, М., 1959, стр. 381; A. M a r t i n e t, Structural variation in language, «Preprints of papers for the IX International congress of linguists», Cambridge (Mass.), 1962.

честве примера можно привести для немецкого языка варианты глагольных форм, базирующиеся на утратившем свою силу противопоставлении основ ед. и мн. числа в претерите сильных глаголов типа *ward/wurde* (претерит 1—3 лица ед. числа от *werden* «становиться»), *hob/hub* (претерит 1—3 лица ед. числа от *heben* «поднимать») и т. д.

Таким образом, если в одних случаях в двух материально нетождественных формах одного слова отражаются, большей частью различные по времени возникновения, параллельные формальные возможности выражения одного и того же категориального значения (вариантность форм, порожденная параллелизмом системных средств), то в других случаях варианты форм создаются в результате «высвобождения» при исторических сдвигах в системе данного языка некоторых формальных грамматических средств (вариантность форм, порожденная снятием в процессе изменения языка некоторых грамматических оппозиций).

Однако лингвистические изменения служат хотя и важным, но отнюдь не единственным источником вариантности. В литературном языке, являющемся по своей природе системой в большей или меньшей степени гетерогенной, вариантность создается не только благодаря сочетанию гетерохронных, но и благодаря объединению гетерогенных элементов.

Участие в формировании литературного языка нескольких территориальных диалектов, а также сосуществование ряда локальных его разновидностей, характерное для ранних периодов развития литературного языка (и иногда длительное время сохраняющихся, как это было в немецком), создает особенно благоприятные условия для возникновения вариантности на этой основе. Некоторые из исходно разносистемных и в большинстве случаев идентичных по своему значению форм впоследствии объединяются в литературном языке, образуя такие «внутрисистемные» варианты, как *derer/deren* (параллельные формы род. падежа мн. числа указательного местоимения) или *sendetel/sandte, gesendet/gesandt* (параллельные формы претерита и причастия II от глагола «посылать») ¹². Таким образом, генетически варианты представляют собой или гетерогенные элементы, объединенные в результате определенных исторических процессов в системе литературного языка, или элементы «гетерохронные», относящиеся к различным периодам бытия данной системы и синхронизированные в ней в определенный исторический момент на правах вариантов.

В нормализованном литературном языке перечисленные выше источники, порождающие вариантность, продолжают действовать, хотя их влияние несколько ограничивается. Устойчивость и известный консерватизм системы литературного языка замедляют разнообразные процессы лингвистических изменений, а возможности для объединения гетерогенных элементов и проникновения в литературный язык форм и явлений других функциональных и территориальных подсистем данного языка в условиях существования литературной нормы также значительно суживаются. Таким образом, ведущая тенденция, связанная с регулирующим действием нормы, заключается, по-видимому, в последовательном уменьшении общего числа вариантов, а также в исключении и преобразовании некоторых типов варьирования.

Общие исторические сдвиги в группе орфографических вариантов происходят в связи с некоторыми изменениями в составе средств, образующих сами эти варианты. При этом варианты орфографические обозначения в отдельных случаях могут совсем вытесняться из литературного

¹² Подробнее см.: Н. Н. Семенов, О построении парадигматических рядов немецкого литературного языка, сб. «Вопросы морфологического строения германских языков», М., 1963.

языка (*pff*, *ey*, *ew* и т. д.). Вместе с тем, некоторые из вариантов, дифференцируясь в своей первичной лингвистической функции, остаются в языке на новых правах ($ff/f > ff-f$) и тем самым выходят из разряда вариантов. Процессом, часто предшествующим полному вытеснению определенного варианта, является сужение группы лексем, допускающих его использование. Крайним звеном в этом процессе сужения диапазона варьирования является лексемная изоляция определенного орфографического варианта (ср. в современном немецком языке *Stadt*, а также в именах собственных: *Schmidt*, *Goethe*). Вместе с тем намечаются различные формы частичной дифференциации вариантов на основе их лексемного распределения (*viel*—*für*), а также в связи с использованием соотносенных между собой вариантов в омонимичных лексемах (*Waise*/*Weise*). Следует, однако, отметить, что возможность орфографического варьирования хотя и ограничивается в процессе нормализации литературного немецкого языка, но не устраняется здесь полностью. Наиболее характерные случаи вариантного написания связаны в современном немецком языке с колебаниями в обозначении прописной и строчной букв, а также со слитным или отдельным написанием некоторых конструкций (например: *in acht nehmen*/*Acht nehmen*, *ins Besondere*/*ins besondere*/*insbesondere* и т. д.). Распространены также варианты написания некоторых заимствованных слов, о чем уже приходилось упомянуть¹³. Этим объясняется то обстоятельство, что устранение орфографических вариантов до сих пор является одним из основных требований, выдвигаемых сторонниками орфографической реформы в Германии¹⁴.

Характер преобразования грамматической вариантности в процессе нормализации литературного языка в основных чертах совпадает с тем, что можно наблюдать на материале орфографии. Такие морфологические варианты, представленные в письменном немецком языке еще в первой половине XVIII в., как: *sind/sein/seind* (1—3 лицо мн. числа наст. времени от глагола «быть»); *gewesen/gewest* (причастие II от того же глагола); *sah/sahz* «видел»; *begann/begunnte* «начал, началось» (1—3 лицо ед. числа претерита); *der Frau/der Frauen* «женщины» (род. падеж ед. числа) и т. д., — уже во второй половине XVIII в. исчезают из литературного языка. Сокращение числа морфологических вариантов сопровождается постепенным сужением парадигматического и лексемного диапазона варьирования, а также изоляцией ряда грамматических вариантов (типа *auf Erden*, *wir sungen*, *bestallt* в противоположность «правильным» парадигматическим формам тех же слов). Вместе с тем в процессе преобразования грамматической вариантности один из членов вариантной пары или ряда может получать известную специализацию. Так, например, в языке XVIII в. формы мн. числа *Orte*/*Oerter* выступают как два равнозначных, полностью совпадающих в своем значении и употреблении варианта. В современном немецком языке, сохранившем эти вариантные формы, они различаются, однако, по сферам использования: более употребительное *Orte* выступает в общем пространственном, а также географическом значении, тогда как *Örter* — форма, встречающаяся преимущественно в математических текстах (*geometrische Örter*). Для когда-то полностью совпадавших вариантных форм мн. числа от слова *Land* «страна» — *Lande*/*Länder* — также устанавливается в дальнейшем определенное стилистическое различие: *Lande* воспринимается сейчас как форма устаревшая, поэтическая по отношению к нейтральному *Länder*.

Функциональная или экспрессивно-стилистическая специализация

¹³ Ср.: J. Е г в е п, указ. соч., стр. 17.

¹⁴ См., например, предложения рабочего комитета по реформе орфографии в журнале «Muttersprache», Jg. 69, 2, Lüneburg, 1959.

ряда вариантных грамматических форм наблюдается не только у имени, но и у глагола: так формы *gesendet/gesandt* в целом ряде случаев взаимозаменяемы, однако в значении «транслировать по радио» специализируется лишь одна из парадигм (*es wird gesendet*), а из параллельных форм *gewendet/gewandt* в значениях «переворачивать» (страницу в книге), «лицевать» (одежду), употребляется лишь *gewendet* и т. д.

Вместе с тем в морфологической системе литературного немецкого языка сохраняются и некоторые полные варианты, не выработавшие подобных различий (таков, например, им. падеж ед. числа *Fleck/Flecken*).

Таким образом, для морфологических явлений тенденция к уменьшению вариантности, по-видимому, не является столь ярко выраженной как для орфографии, и снятие одних вариантов не исключает сохранения и использования других и возникновения в языковой системе ряда новых вариантных возможностей, закрепляемых литературной нормой.

Итак, являясь одним из наиболее общих свойств естественных языков, вариантность проявляется во всем своем объеме в процессе их функционирования. Предпосылки вариантности заложены в параллелизме некоторых структурных возможностей каждой языковой системы, а также в ее изменчивости и многообразных связях с теми языковыми подсистемами, с которыми она пересекается и взаимодействует в процессе функционирования. Вместе с тем решающим при отборе вариантных форм и, следовательно, определяющим конкретно существующие в каждом литературном языке орфографические и грамматические варианты фактором являются нормализационные процессы. Соотнесенные между собой вариантные формы несут тождественные лингвистические значения. Именно поэтому набор существующих вариантов, а также характер их использования в языке детерминируется не столько факторами структурного порядка, сколько факторами нормативными.

Наблюдения над некоторыми нормализационными процессами, протекавшими в немецком литературном языке с конца XVIII в., показывают, что общим преобразовательным процессом, характеризовавшим как орфографическую, так и морфологическую вариантность, можно, по-видимому, считать тенденцию к постепенному уменьшению числа возможных вариантов, реализующуюся: а) в прямом вытеснении или структурном разграничении ряда вариантов; б) в ограничении некоторых широко распространенных ранее типов варьирования (например, переход большинства свободных вариантов в группу различным образом «связанных» вариантов). Тенденция к сужению диапазона варьирования, в свою очередь, проявляется: а) в лексемном, позиционном, лексикограмматическом и парадигматическом распределении и ограничении вариантности; в) в лексемной изоляции ряда вариантов.

Вместе с тем при нормализации употребления параллельных грамматических форм наблюдается также закрепление ряда вариантов, часто сопровождающееся, однако, появлением у отдельных вариантных форм некоторых оттенков значений и — соответственно — распределением их в пределах литературного языка по разным функциональным и стилистическим сферам. Поэтому в процессе установления грамматической нормы происходит как бы «переключение» ряда нейтральных и, следовательно, полных вариантов в варианты неполные. Именно поэтому вариантность языковых средств, являющаяся избыточной с точки зрения однозначного выражения системных значений и отношений, вместе с тем составляет тот резерв языка, который обеспечивает гибкость и разнообразие форм выражения определенного лингвистического содержания, а также базу для выявления целого ряда значения «второго», т. е. функционально-стилистического и экспрессивно-стилистического плана.